

разгадать незаурядную личность, представить убедительно сложный путь ее развития разрешена автором больше с событийной, сюжетной стороны, нежели в глубоком психологическом проникновении в логику характера.

В «Голубой звезде» С. Ярмолинского точка отсчета событий — весна 1841 года, когда над Луниным, отбывшим каторгу и прожившим пять лет на поселении, готовится заговор. Через мало значащее, второстепенное лицо повести, генерала Копылова, кратко обрисовывается личность главного героя, события его жизни в ссылке. О самом ярком, интересном в биографии Лунина узнаем из беглого пересказа. В повести пересекаются несколько линий: первая — жизнь Лунина в ссылке, вторая — служба чиновника Успенского, исполнителя поручений генерала-губернатора Рулберта, образа явно непривлекательного; третья — воспроизведение героического прошлого декабриста. Драматизированная сцена ареста Лунина становится кульминацией действия. Но разговор-поединок декабриста и царского чиновника недостаточно убедителен: трудно поверить, что преуспевающему, но довольно ничтожному Успенскому Лунин, понимая причины и последствия этой встречи, мог говорить о высоком предназначении человека, о своем понимании смысла жизни. Перемещение центра рассказа от Лунина к Успенскому нарушает структуру восприятия образа.

Образ декабриста М. С. Лунина, созданный названными авторами, обнаруживает различные принципы изображения характера реального исторического человека. М. Лунин интересно, значительно предстает в изображении Н. Эйдельмана и В. Гусева, несмотря на явное различие в формах повествования, документальной и художественной, так как главным у этих писателей стали раскрытие причин, мотивов поведения героя, постижение внутренней логики его характера, исследование личности в контексте эпохи.

¹ Освободительное движение в России, 1971, № 1, с. 131.

² Цурикова Г., Кузьмичев И. Утверждение личности. — Л., 1975, с. 34.

³ Вопросы литературы, 1977, № 7, с. 48—49.

И. С. СКОРОПАНОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО

Лирика А. Тарковского обращается к жизни человеческого духа как главному предмету изображения. Генетически она восходит к творчеству Ф. Тютчева с его интеллектуальной эмоциональностью, напряженным психологизмом, впитывает художественные достижения символистов, цементируется идеей самоусовершенствования личности.

Произведения художника зримо запечатлели путь его духовных исканий на протяжении полувека творческой биографии (20 — 70-е годы). Между тем в стихотворениях почти нет реалий его внешней, повседневной жизни, конкретных биографических фактов и сведений. Тарковского интересуют процессы, происходящие во внутреннем мире человека. Но и их изображение получает у художника преимущественно опосредованное преломление: за счет использования развернутых метафорических картин, символов, аллюзий. Как бы отрешаясь от несущественного, второстепенного, Тарковский выдвигает на первый план диалектику духовного самоопределения и созревания личности. Центральный образ его поэзии — образ лирического «я», эволюцию которого можно раскрыть, пользуясь словами М. Шолохова, как процесс «увеличения души». Для характеристики этого образа поэт прибегает к исповеди, самоанализу, воспоминаниям, нравственно-философским размышлениям.

В стихотворении «До стихов» автор воспроизводит юношески-романтическое представление о своем будущем, неразрывно связанное с мыслями о творчестве. Вся предстоящая жизнь виделась ему праздником, судьба воспринималась в образе «неопалимой купины», предощущение красоты и богатства мира обжигало душу. Не случайно строки произведения как бы теснят друг друга, не давая перевести дыхание, — синтаксис стихотворения великолепно передает владеющее героем настроение все более нарастающих ожиданий и надежд.

Это идеализированное мироощущение, показывает Тарковский, не совпало с реальным ходом жизни: стать настоящим поэтом, крупной, значи-

тельной личностью оказалось задачей невероятной сложности, потребовавшей от художника пересоздания всего себя.

Лирическое «я» раннего Тарковского не носило отпечатка резкой индивидуальности, неповторимой человеческой судьбы. Власть традиционных средств выражения, восходивших, с одной стороны, к одической поэзии XVIII века, с другой — к смутной, «вневременной» образности символистов, подавляла самобытное начало творчества художника, лишала его оригинальных черт. Собственное «я» представлялось Тарковскому слишком несовершенной копией искомого и должного для того, чтобы обратить на него внимание читателей, и становление творческой индивидуальности художника началось с критического самоанализа.

Одним из первых произведений Тарковского, в котором средствами косвенной образности давалось отражение лирического «я» поэта, стало стихотворение «Дом». Прибегая к аллегории, художник уподобляет судьбу героя произведения неприглядному дому на задворках. Все здесь — обратное тому, чего жаждет душа: отгороженность от большого мира, убогость обстановки, однообразие впечатлений, скудность красок. Облик дома, как зеркало, отражает неустроенность и неудачливость его хозяина:

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор ¹.

Не идеализируя лирического героя, поэт в то же время показывает его человеком, который не смирился со своим положением. Задыхаясь и изнемогая в доме-коробке, как в тюрьме, он выражает стремление вырваться отсюда. В искверканности судьбы герой Тарковского обвиняет самого себя.

Представление о характере этой вины конкретизирует стихотворение-исповедь «25 июня 1939». Оно состоит из двух частей. Первая воссоздает атмосферу, в которой прошла молодость героя, отданная наслаждению жизнью, упоению ее щедростью и красотой. Здесь господствует настроенное праздничности, приподнятости, эмоциональной взволнованности. Оно передает одухотворенно-романтическое мироощущение лирического героя, безмятежно-оптимистическое состояние его духа.

Вторая часть — контрастно противоположна первой. Из произведения исчезает яркая цветовая гамма, уходят приметы, поэтизирующие пленительную прелесть мира. Лирический герой показан в опустевшем доме наедине со своими мыслями. Как бы в далеком прошлом оказывается переполнявшее его душу чувство безмятежного ликования, и все сильнее ощущается тревога о том, что главная цель жизни — творческая высота — остается недостигнутой. Нарастая к финалу, эта тревога выливается в двукратно повторенное и выделенное курсивом самообвинение: *«Что сделал я с высокою судьбою, // О боже мой, что сделал я с собою!»* Вина лирического героя как будто не так уж велика: он отнеслся к жизни, как к пиру, на который человек призван наслаждаться. Но раз такая жизнь не приблизила к искомой цели, герой Тарковского считает молодость растраченной напрасно.

Все отчетливее звучит в произведениях художника мотив неудовлетворенности собой, невозможности примириться с собственным несовершенством и невоплощенностью. Самообвинение переходит в самоотрицание: «И веки пальцами я раздираю дико, // И тело хочет жить, и разве это — я?»

Отказываясь узнать свое «я» в «не-я», герой Тарковского начинает искать себя истинного, т. е. такого, каким хотел бы быть в идеале. В аллегорическом плане процесс этих поисков раскрывает стихотворение «Стань самим собой»:

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны.

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

Путь духовного самопознания и развития представлен в произведении в виде развернутых метафорических картин, историко-литературных ана-

логий, нравственно-философских размышлений. Прояснению облика лирического героя способствует его сопоставление с Гамлетом, осуществившим выбор в пользу борьбы со злом ценой нравственной победы над собой. Однако герой стихотворения напоминает себе Гамлета, еще не принявшего окончательное решение, раздумывающего, колеблющегося. Он стоит перед необходимостью вступить в борьбу с самим собой, освободиться от собственных слабостей и иллюзий, приобрести новые духовные и нравственные качества. Тарковский не скрывает того, что это дается с мучительным трудом. И все же жажда совершенства, обновления мыслей, настроений взамен приевшихся — побеждает.

Этапы развития лирического «я», стремящегося к нравственному и творческому самоусовершенствованию, становятся основным «сюжетом» поэзии Тарковского. Содержание его внутренней жизни начинает определять ежедневный, черновой, не рассчитанный на награду или успех труд над собой («Я долго добивался», «Ночная работа», «Кузнец», «Деревья»). Каждый шаг вперед требует колоссального напряжения всех душевных сил, сопровождается сомнениями в необходимости отказа от всех благ бытия, молчаливого, никому не известного самопожертвования. Но эта напряженная внутренняя работа оказывается не напрасной: происходит постепенное укрупнение масштабов личности лирического героя, меняются его мироощущение и отношение к жизни. Особенно зримо диалектика совершающихся с ним перемен отражена в стихотворении «Только грядущее». Процесс «увеличения души» героя соотносится здесь со строительством большого города, очертания которого раздвигают внутренний мир человека, ранее суженный пределами одной комнаты:

Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился.

Я
Мост перекинул через речку.
Мне
Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей срывали.

И во многих других произведениях Тарковского его лирическое «я» предстает в процессе перестройки, перековки, безостановочного роста и движения вперед. Путь самоусовершенствования, по представлениям поэта, бесконечен, а духовные потребности личности — беспредельны.

Важнейшим условием расширения масштабов внутреннего мира лирического героя становится его приобщение к нетленным ценностям общечеловеческой культуры: философии, литературы, искусства. Осознавая себя полноправным наследником духовных богатств человечества, он впитывает их в себя как лично ему принадлежащее достояние, в подвижнической жизни их создателей видит норму собственного существования. Лирический герой Тарковского испытывает благоговение перед теми, кто при жизни был палим духовной жаждой, шел трудными, неизведанными дорогами, прокладывая путь потомкам. Кровную близость людям, деятельность каждого из которых составила эпоху в развитии человечества, Тарковский раскрывает в стихотворениях «Вы, жившие на свете для меня», «Феофан Грек», «Загадал головоломку», «Григорий Сковорода», «Пускай меня простит Винсент Ван-Гог» и других. В некоторых случаях лирическое «я» поэта становится как бы «двойником» великого человека. Так, в стихотворении «Сократ» сквозь призму личности героя отчетливо проступает сам автор с устоявшимися в его сознании этико-философскими представлениями, нравственными законами.

Монолог Сократа начинается с определений со знаком минус. Он противопоставляет себя как людям, видящим силу и счастье в обладании властью, почестями, богатством, так и — униженным, бессловесным, бесправным рабам. Обе эти формы социального неравенства и нравственного уродства неприемлемы для героя. В противовес им выдвигается идеал свободного, гуманного, просвещенного человека, душа которого открыта всему возвышенному и прекрасному. В равной мере герою и автору принадлежат слова: «Я плоть от вашей плоти, высота // Всех гор земных и глубина морская,» — отражающие ориентированность на поднебесные высоты и бездонные глубины бытия.

В стихотворение вторгается один из ключевых для лирики Тарковского мотивов: осознанного, целеустремленного самосозидания личности по меркам людей будущего, к которым художник относит титанов человеческого духа всех времен и народов. Обретая бессмертие, они становятся неотъемлемой частью грядущего, вечными современниками человечества. Вот почему в представлении поэта прошлое, настоящее и будущее духовно неразделимы.

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль
над степью;
Бурьян чадил, кузнечик баловал,
Подковы трогал усом и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах,—

пишет Тарковский в стихотворении «Жизнь, жизнь». Герой этого произведения дан как персонифицированное воплощение связи всех поколений, их грандиозных усилий по преобразению мира, неустанному движению вперед, в будущее. Не случайно лирическое «я» поэта как бы непроизвольно переходит в «мы», отождествляя себя с теми, кто приближает грядущее. Герой произведения убежден в своей неотделимости от будущих веков, куда придет и грандиозными делами своими, и живой пульсацией крови в жилах потомков. Это будет его бессмертием, торжеством над временем, оправданием всей жизни,— утверждает художник.

Все более укрупняясь, лирическое «я» Тарковского начинает выступать олицетворением всего человечества. Как могучий титан, ногами упирающийся в Землю, головой достигающий звезд, показан герой стихотворения «Посредине мира». Своей мыслью он объемлет мега- и микромир, дерзает найти связующие начала минувших и будущих времен:

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост—
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Герой произведения — мыслитель и творец, стремящийся проникнуть в тайну жизни и смерти, сделать мир более совершенным. Он стоит вровень с грандиозными вселенскими явлениями, оперирует глобальными философскими и историческими категориями.

Когда-то лирический герой поэта задышался в доме-коробке. Теперь пространственно-временное измерение, в котором протекает его бытие, — безгранично. Эту перемену наиболее отчетливо отражают философские произведения художника («Жизнь, жизнь», «Посредине мира», «Орбита», «И это снилось мне, и это снится мне» и другие). Человек в системе мироздания, жизнь и смерть, смерть и бессмертие — вот круг проблем, решаемых их героем. Он предстает перед читателем во весь духовный рост, поражая мощью интеллектуальной энергии, напряженным биением мысли и сердца. Масштабность личности, соотнесенной «со всей беспредельностью Природы и Истории»², роднит героя философской лирики Тарковского с лирическим героем Тютчева. Правда, поэзия Тарковского менее богата оттенками душевных переживаний, зато путь движения лирического «я» к вершинам человеческого духа получил в ней законченное художественное отображение.

В творчестве Тарковского плодотворно преломилась идея самоусовершенствования и самосозидания личности. Не исчерпывая всего многообразия поэзии художника, она явилась той путеводной звездой, которая указала дорогу к духовной высоте, нравственной бескомпромиссности, творческой неуспокоенности, в конечном счете, к самому себе — истинному.

¹ Произведения А. Тарковского цитируются по сб.: Вестник.— М., 1969; Стихотворения.— М., 1974; Зимний день.— М., 1980.

² Поэты тютчевской плеяды.— М., 1982, с. 12.